

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080015545-6

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ФРАНЦУЗСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 1930-х гг.: ДИССЕРТАЦИЯ ЛИ ЧЖАОИ

© 2021

О.Н. БОРОХ ^а

^а – Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0109-4462; borokh@hotmail.com

Резюме: В статье рассматривается вклад исследователя первой половины XX в. Ли Чжаои в изучение воздействия древнекитайской мысли на экономическое учение французских физиократов. В качестве ключевой особенности концепции Ли Чжаои выделена трактовка школ даосизма, конфуцианства и легизма как носителей идеи естественного закона, ставшей основополагающей для физиократов. Истолкование китайских учений о морали, ритуале, пути-Дао и законе-фа как различных пониманий естественного закона было нацелено на обоснование китайского воздействия на европейскую мысль эпохи Просвещения. Ли Чжаои считал изучение пришедшей в Европу экономической мысли древнего Китая необходимым для целостного понимания мировой истории экономических учений. Отличительной особенностью исследования Ли Чжаои стало использование европейских концепций, прежде всего анархизма и индивидуализма, для выявления специфики древнекитайской мысли через сопоставления с идеями Ж.-Ж. Руссо, П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина, М. Штирнера. Учеба во Франции сформировала у китайского ученого интерес к идеям кооперации. Обращение к наследию Ли Чжаои в современном Китае связано с ростом внимания к проблемам проникновения китайских идей во внешний мир и их признания мировым научным сообществом. История воздействия на французских физиократов XVIII в. была редким примером вклада Китая в развитие мировой экономической науки, призванным стать источником вдохновения для будущих межкультурных взаимодействий. Повышению интереса к идеям Ли Чжаои в Китае способствовало упоминание его имени в работе известного экономиста Й. Шумпетера. В статье рассмотрена история возвращения имени Ли Чжаои в китайский научный оборот в период реформ. Сделан вывод, что официальная политика продвижения во внешний мир «философии и общественных наук с китайской спецификой» будет способствовать поддержанию интереса к истории влияния Китая на европейскую мысль.

Ключевые слова: экономическая наука, республиканский Китай, Ли Чжаои, древнекитайская мысль, французские физиократы, Просвещение.

Для цитирования: Борох О.Н. Древнекитайская экономическая мысль и французский академический контекст 1930-х гг.: диссертация Ли Чжаои. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 219–230. DOI: 10.31857/S086919080015545-6

ANCIENT CHINESE ECONOMIC THOUGHT AND THE FRENCH ACADEMIC
CONTEXT OF THE 1930s: LI ZHAOYI'S DOCTORAL THESIS

© 2021

Olga N. BOROKH ^a

^a – Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-0109-4462; borokh@hotmail.com

Abstract: *The article examines the contribution of the Chinese researcher of the first half of the 20th century Li Zhaoyi to the study of the impact of ancient Chinese thought on the economic doctrine of the French physiocrats. An interpretation of the schools of Taoism, Confucianism and Legalism as carriers of the idea of natural law, which became fundamental for physiocrats, is highlighted as a key feature of Li Zhaoyi's academic concept. The interpretation of the Chinese teachings on morality, ritual, the way-Tao, and the law-Fa as different understandings of natural law was aimed at demonstrating the Chinese influence on the European thought of the Enlightenment. A distinctive feature of Li Zhaoyi's research was the use of European concepts, primarily anarchism and individualism, to discuss the specifics of ancient Chinese thought through comparisons with the ideas of J.J. Rousseau, P.A. Kropotkin, M.A. Bakunin, M. Stirner. The increasing attention to the legacy of Li Zhaoyi in modern China is due to the growing interest in the problem of the recognition of Chinese concepts by the global academic community. Li Zhaoyi's name was mentioned by well-known economist J.A. Schumpeter. The influence on the French physiocrats was a rare case of China's contribution to the development of world economic science that is expected to provide inspiration for future intercultural interactions. It is concluded that the official policy of introducing "philosophy and social sciences with Chinese characteristics" to the outside world will help to maintain interest in the history of China's influence on European thought.*

Keywords: economic science, Republican China, Li Zhaoyi (Ly Siou Y), ancient Chinese thought, French physiocrats, Enlightenment.

For citation: Borokh O.N. Ancient Chinese Economic Thought and the French Academic Context of the 1930s: Li Zhaoyi's Doctoral Thesis. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 219–230. DOI: 10.31857/S086919080015545-6

В Китае начиная с 1980-х гг. научное сообщество уделяет большое внимание теме взаимодействия культур и заимствования знаний. Первоначально китайские авторы исследовали проблемы влияния Запада на Китай и усвоения западных научных познаний. Ныне в центре внимания находится вопрос китайского воздействия на западную культуру и науку. В процессе развития мировой экономической мысли подобных прецедентов было немного, что придает им в глазах китайских ученых особую ценность.

Проблема китайского влияния на французских физиократов XVIII в. уже вышла за рамки исторического исследования и превратилась в источник вдохновения при обсуждении будущей роли Китая на глобальной интеллектуальной сцене. Это повысило ценность старых публикаций на данную тему, увидевших свет в прошлом столетии. Забытые имена их авторов становятся частью современных обсуждений мирового статуса китайской мысли.

На рубеже XX–XXI вв. в научный оборот вернулось наследие китайского ученого Ли Чжаои. В 1936 г. он защитил во Франции на факультете права Дижонского университета

диссертацию «Основные течения китайской экономической мысли в древности (с VI в. до н.э. по III в. до н.э.) и их влияние на формирование доктрины физиократов» [Ly, 1936]. Работа была нацелена на выявление китайского воздействия на западную экономическую теорию через демонстрацию содержательного сходства древнекитайских идей с европейской мыслью эпохи Просвещения.

Обзор школ древнекитайской мысли предшествовал в диссертации обсуждению китайского вклада в становление современной экономической науки. Ли Чжаои попытался выделить «физиократические» аспекты китайской традиции. Он утверждал, что, в отличие от Древней Греции и Древнего Рима, в Китае «в период античности были развиты и иногда даже систематизированные течения экономической мысли» [Ly, 1936, p. 7]. Это позволило заявить об исторических преимуществах китайской традиции: «Китайская экономическая мысль высокой античности имеет большую важность для истории экономических учений, поскольку она предоставляет нам собрание ценных документов, в то время как другие цивилизации в этот период представляются напротив очень бедными в этой сфере» [Ly, 1936, p. 7].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КИТАЙСКИХ УЧЕНИЙ

Ли Чжаои исследовал идеи даосизма, конфуцианства, моизма и легизма доциньского периода. Важной особенностью работы стало использование европейских концепций для выявления специфики древнекитайских идей. Ли Чжаои охарактеризовал учения Лао-цзы и Чжуан-цзы как «анархический натурализм» [Ly, 1936, p. 12]. Он пояснил, что Лао-цзы возложил ответственность за войны на «искусственную цивилизацию», оторвавшую народ от естественной простоты Дао. Для спасения людей следовало разрушить цивилизацию и ее порождения: общественные институты, авторитеты, законы, мораль. Основатель даосизма осуждал стремление к роскоши, призывая жить в «райской простоте и полной свободе». С помощью недеяния или невмешательства – «у вэй» – обществом должно править Дао как совершенный естественный закон.

Ли Чжаои заявил, что взгляды Лао-цзы близки к «естественному закону» западной философии, воззрениям либеральных экономистов XVIII в. и физиократов, учениям А. Смита и Дж.С. Милля, а также идеям Г. Спенсера. Лао-цзы утверждал, что мудрствование породило «великое лицемерие», а раздор между людьми ведет к появлению этических норм (Дао дэ цзин. Чжан 18). Чжуан-цзы полагал, что «великие разбойники» не переведутся в государстве до тех пор, пока в нем не вымрут мудрецы (Гл. 10), усмиряющие людей подобно укрощению коней (Гл. 9). По мнению Ли Чжаои, эти суждения близки идеям Ж.-Ж. Руссо, считавшего, что науки и искусства обязаны своим рождением людским порокам: «К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? Нужна ли была бы юриспруденция, если бы не существовало человеческой несправедливости? Во что обратилась бы история, если бы не было ни тиранов, ни войн, ни заговорщиков?» [Руссо, 1981, с. 31].

Цитата Лао-цзы о пяти цветах, портящих зрение и пяти звуках, притупляющих слух (Чжан 12), стала еще одним поводом для обращения к Руссо, противопоставлявшему роскошь хорошим нравам. Однако, по мнению Ли Чжаои, Лао-цзы идет дальше, чем Руссо, призывая подавлять желания, поскольку стремление к богатству порождает споры и войны [Ly, 1936, p. 20].

Ли Чжаои отметил, что об идеях анархизма в Древнем Китае упомянул П.А. Кропоткин в книге «Современная наука и анархия»: «Действительно, мы встречаем анархические мысли уже у древних философов, а именно у Лао-Тзэ в Китае...» [Кропоткин, 1920, с. 51].

Древние даосы и анархисты XX в. сходным образом считали общественные институты преступными, а любую форму правительства – бесполезной. Существенная разница заключалась в отношении к собственности. У Кропоткина «анархический идеал становится чисто коммунистическим» [Ly, 1936, p. 23]. А Лао-цзы не только отвергал коммунизм, но и проповедовал индивидуализм: «у каждого должна быть своя собственная собственность (sa propre propriété), каждый должен жить для себя» [Ly, 1936, p. 24].

Еще одно различие состояло в том, что, согласно М.А. Бакунину, высшим законом для человека является закон эволюции человечества, то есть закон прогресса. Лао-цзы утверждал, что люди жили в состоянии совершенства в глубокой древности, после чего утратили его из-за эволюции и искусственной цивилизации. Даосский мудрец отверг ведущие к конфликтам закон эволюции, материальную цивилизацию, роскошь и богатство.

В эпикурейском индивидуалистическом учении Ян Чжу даосская пассивность и презрение к миру превратились в пессимизм и индивидуализм. Признание быстротечности человеческой жизни стало оправданием для следования своей природе и удовлетворения естественных желаний. Ли Чжаои сопоставил взгляды Ян Чжу с учением немецкого философа М. Штирнера, ставившего в центр индивида и оправдывавшего его стремление к безграничному преследованию собственных интересов. Если Лао-цзы и Кропоткин стремились избавить человека от давления государственных институтов, то Ян Чжу и Штирнер ставили на первое место свободу личности.

Автор диссертации указал, что следование учению Штирнера превратит человеческое общество в «союз эгоистов», объединившихся ради максимального удовлетворения собственных потребностей. На фоне «крайнего и патологического эгоизма» Штирнера учение Ян Чжу выглядит более взвешенным. Оно основано на даосском либерализме, и потому его эгоизм не является ни эгоистичным, ни альтруистичным. Ян Чжу не хотел обогащаться за счет других, но также не хотел беднеть ради их блага. Он не намеревался ничего давать другим и ничего от них не требовал. Эти воззрения характеризуют «даосский индивидуализм» [Ly, 1936, p. 29].

Советские исследователи отмечали, что среди китайских анархистов большим авторитетом пользовались работы Кропоткина, Бакунина и Штирнера [Стабунова, 1983, с. 9]. Кружок китайских анархистов начал формироваться во Франции еще до Синхайской революции [Стабунова, 1983, с. 48]. Влияние этой традиции можно проследить в исследовании Ли Чжаои, написанной под научным руководством историка рабочего движения Э. Долеана. Это позволяет объяснить интерес китайского докторанта к социалистическим идеям. В библиографии диссертации, помимо трудов анархистов, указаны четыре работы К. Маркса и одна работа Ф. Энгельса.

В конфуцианской книге «Ли цзи» в описании утопического общества «Великого единения», в котором люди совместно заботятся о детях и стариках, а молодые находят применение своим талантам, Ли Чжаои обнаружил сходство с европейскими гуманитарными принципами. Древняя идея государственного вмешательства в интересах поддержки старых и больных стала для него «предвосхищением современных законов социального страхования» [Ly, 1936, p. 33].

В экономическом учении Мэн-цзы исследователь выделил систему «колодезных полей» – «цзин тянь», «позволяющую каждому стать собственником» [Ly, 1936, p. 35], предложение снизить налоги, осуждение монополизма и обоснование необходимости разделения труда. Ключевой характеристикой взглядов Сюнь-цзы стало ограничение человеческих желаний с помощью ритуалов ради предотвращения социальных конфликтов в условиях нехватки материальных благ.

Учение всеобщей любви и солидарности моистов Ли Чжаои представил как китайский прообраз христианства. Если бы эта школа одержала верх над конфуцианством и даосизмом, она стала бы «политико-религиозной сектой, которая руководила бы Китаем как христианство в Средние века» [Лу, 1936, р. 42]. Всеобщая любовь Мо-цзы сближается с христианством и отдаляется от идей конфуцианства, поскольку у Конфуция и Мэн-цзы любовь к людям была четко регламентированной: сначала любят себя и своих близких, и лишь потом – всех окружающих. Моисты воспринимали труд как разновидность религиозного служения, они «работали без отдыха, не расслабляясь, стоически страдали ради других» [Лу, 1936, р. 48]. По мнению Ли Чжаои, в отличие от Т. Мальтуса, рассматривавшего рост населения как зло для человечества, Мо-цзы считал его благом, которое позволяет увеличить производство.

Легисты Шэнь Дао, Инь Вэнь-цзы и Хань Фэй-цзы призывали к управлению обществом с помощью законов. Ли Чжаои назвал их «приверженцами капитализма в крайней националистической форме» [Лу, 1936, р. 54]. Их стремление к обогащению своего государства переросло в «империалистические» попытки покорять другие царства военным или экономическим путем. Концепция всемогущества закона и абсолютной власти государства привела легистов к полному подавлению индивидуальности и обоснованию вмешательства в экономику путем введения монополии на соль, национализации шахт и лесов, регулирования цен. Экономические идеи этой школы исследователь призвал искать у Гуань-цзы.

Автор диссертации обнаружил у легистов физиократические идеи. Политика этой древнекитайской школы была направлена на обогащение народа, мораль могла существовать, лишь когда склады полны и люди избавлены от нищеты. Источник богатства легисты видели в сельском хозяйстве. Чтобы избежать расслоения между имущим и неимущим классами, государство должно стабилизировать цены. Для этого оно действует как «крупный трест» – покупает продукцию, когда она в избытке и цены на нее падают, и, напротив, продает ее при повышении цен.

На основании обзора течений древнекитайской экономической мысли исследователь заключил: «Иногда мы удивляемся, что их принципы так глубоки и аромат свеж, хотя они старые и насчитывают двадцать веков. Принципы даосизма, к примеру, так же новы, как принципы современного анархизма. Некоторые идеи конфуцианства аналогичны гуманитарным принципам современных общественных институтов, например, социальному страхованию. Также мы находим определенное сходство между школой легистов и фашизмом, когда речь идет об абсолютной власти, вмешательстве государства и принципах дирижистской экономики. Всеобщая любовь и гуманистический подход Мо-цзы имеют акценты, которые можно найти в христианстве» [Лу, 1936, р. 93].

Межкультурные сопоставления позволили Ли Чжаои заявить, что древние идеи адаптируются к потребностям разных эпох, преодолевают пространства и рамки старых цивилизаций, после чего вновь становятся молодыми. «Экономическая мысль древнего Китая ... важна не только для китайской истории и [китайской] цивилизации, но и представляет античный гений человечества. Изучение этой мысли очень важно для науки и истории экономических доктрин» [Лу, 1936, р. 94].

КИТАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКИХ ФИЗИОКРАТОВ

Вторая часть диссертации раскрывает воздействие древнекитайской экономической мысли на физиократов. Подчеркивая новизну своего исследования, Ли Чжаои отметил: «Эти влияния почти проигнорированы вплоть до настоящего времени. В любом случае, нет никакого серьезного исследования по этой теме, которая, тем не менее, очень важна для истории экономической мысли и понимания доктрины физиократов» [Лу, 1936, р. 8].

Ли Чжаои утверждал, что «только начиная с физиократов экономическая наука (*l'économie*) обрела четкое существование» [Ly, 1936, p. 6]. Автор диссертации сослался на мнение П. Струве, согласно которому политическая экономия не могла оформиться в науку до того, как в ней было выделено понятие естественного экономического закона [Struve, 1921, p. 294].

Новое прочтение обрели споры западных исследователей о том, кого из европейских экономистов следует считать основателем экономической науки. Ссылаясь на «Историю экономических учений» Р. Гоннара, Ли Чжаои подчеркивал, что лишь Ф. Кенэ и физиократы приступили к созданию научной экономической науки, до них была эра эмпирических систем наподобие меркантилизма [Gonnard, 1922, p. 10].

Желая оспорить наделение статусом создателя экономической науки шотландца Адама Смита, китайский исследователь сослался на мнение бельгийского экономиста Г. Дени, порицавшего в «Истории экономических и социалистических систем» (1897) тех, кто с легкостью находил в учении физиократов недостатки, не признавая его величия. В диссертации были использованы идеи профессора Бернского университета А. Онкена, отмечавшего, что Кенэ первым среди экономистов «выдвинул систему, построенную естественнонаучным методом» [Онкен, 1908, с. 21], «применил точный абстрактный метод к исследованию экономических явлений и этим именно придал политической экономии научный характер» [Онкен, 1908, с. 7]. Онкен утверждал, что в Великобритании «уже давно перестали считать Адама Смита творцом экономической науки» [Онкен, 1908, с. 2]. Среди трудов, подчеркивавших важность учения физиократов, Ли Чжаои указал также на работы Г. Шелле.

Европейские авторы нередко цитировали высказывания физиократов о Китае и китайских учениях, но, по мнению китайского докторанта, «не отдавали отчета в важности этого факта» [Ly, 1936, p. 63]. Ли Чжаои подчеркнул, что если китайское происхождение части идей физиократов не будет выявлено, фундаментальные идеи этой школы не получат объяснения и могут быть неверно интерпретированы. Он несколько раз назвал китайское влияние на физиократов «любопытным» (*curieuse*) [Ly, 1936, p. 64, 94].

Проблему китайского влияния на физиократов Ли Чжаои поместил в контекст истории интеллектуальных контактов Франции и Китая. В XVIII в. благодаря усилиям миссионеров китайские идеи повлияли на Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье. Физиократы не могли остаться в стороне от этой волны увлечения Китаем, когда «игнорирование Конфуция было таким же большим преступлением, как и Сократа и Платона» [Ly, 1936, p. 70–71]. Влияние Китая и его философии на физиократов представлялось Ли Чжаои «очевидным» [Ly, 1936, p. 73]. В качестве подтверждения он ссылаясь на книгу З. Дашиньской-Голинской, отмечавшей, что физиократы рассматривали Конфуция как идеал ученого. Об этом говорил маркиз де Мирабо, цитировавший в надгробной речи на могиле Кенэ французского иезуитского историка Ж.Б. Дю Альда. В менее патетической форме Кенэ с Конфуцием сопоставлял аббат Бодо [Daszyńska-Golińska, 1922, p. 7–8].

Ли Чжаои напомнил, что первые семь глав «Китайского деспотизма» Кенэ содержат описание политического, морального и экономического уклада Китая, составленное по рассказам путешественников и миссионеров. Восьмая глава представляет особую ценность, поскольку в ней Кенэ дает систематическое и подробное изложение китайской доктрины. Ли Чжаои сослался на предисловие Бодо к «Китайскому деспотизму», где отмечалось, что эта глава «содержит параллель между естественными конституциями лучшего правительства империй и принципами науки, которую преподают и практикуют в Китае» [Quesnay, 1888, p. 564]. По мнению Дашиньской-Голинской, произведение Кенэ создает впечатление, будто вся теория физиократов происходит из китайской философии [Daszyńska-Golińska,

1922, р. 8]. Ли Чжаои пришел к выводу, что влияние Китая и его философии на учение физиократов является несомненным [Ly, 1936, р. 77].

Диссертация Ли Чжаои опирается на тезис об исключительной важности для учения физиократов идеи естественного закона. Французские мыслители подчеркивали, что законы, на которых основано государственное управление не были установлены людьми: к примеру, законодательная власть изначально не принадлежала ни государю, ни его подданным. Ли Чжаои заявил, что подобные идеи присутствовали в древнекитайской философии. Прежде всего это отраженный в древних книгах «Ши цзин» и «Шу цзин» культ Неба, выступавшего символом естественных законов, управляющих вселенной и обществом. Под Небом или Всевышним владыкой Шанди китайцы понимали высший разум или естественные законы, которые руководят миром. О культе Неба в Китае Кенэ подробно писал в первом параграфе второй главы «Китайского деспотизма», озаглавленном «Естественные законы» [Quesnay, 1888, р. 585–590].

Китайский автор утверждал, что все школы доциньской мысли подверглись влиянию концепции естественных законов, интерпретация которых была различной. У даосов, выступавших за недеяние как принцип поведения человеческого общества, – это Дао, которое руководит вселенной. Конфуцианский моральный закон стал воплощением естественных законов, а самосовершенствование человека было достижимо лишь путем их имитации. Основным принципом легизма было управление на основании законов – «фа», скопированных со справедливых естественных законов, призванных служить образцом для законов общественных. Ли Чжаои подчеркивал, что естественные законы стали основой китайской философии. «Говоря коротко, мораль, ритуал, Дао, фа – все это лишь естественные законы, и эти естественные законы также законы физиократов» [Ly, 1936, р. 83]. В политической и экономической сфере естественные законы проявляются в невмешательстве, поэтому концепции недеяния у даосов и *laissez faire* у физиократов похожи.

Китайский исследователь указал на парадоксальный характер учения физиократов: «Сторонники *laissez faire* в экономике и приверженцы деспотизма в политике, какое противоречие, скажут люди!» [Ly, 1936, р. 86]. Ключ к пониманию этого парадокса, по его мнению, дает китайская философия. Под ее влиянием физиократы верили, что человеческими обществами управляют естественные законы, которые предписывают каждому человеку то, что для него наиболее предпочтительно. Это не деспотизм в том виде, как его понимают обычные люди, а деспотизм естественных законов, которым должен соответствовать весь мир. С точки зрения физиократов, китайский император деспотически обеспечивает осуществление естественных законов. У него абсолютная власть, но Кенэ отмечал, что она «заключается в строгом соблюдении законов и фундаментальных максим правления» [Quesnay, 1888, р. 613]. Ли Чжаои привел цитату из «Истории экономических учений» Ш. Жида и Ш. Риста, пояснявшую, почему физиократы считали китайского императора идеальным типом деспота: «В качестве сына неба он представляет естественный порядок, который в то же время является божественным порядком. Он также и землевладельческий монарх, который раз в год торжественно прикладывает руку к сохе. Своему народу он предоставляет управляться самостоятельно или по меньшей мере сообразно со своими обычаями и обрядами» [Жид, Рист, 1995, с. 41].

Аграрное китайское государство было для физиократов идеалом, и это сопоставление стало еще одним подтверждением межкультурного влияния. Китайские правители и мудрецы неизменно рассуждали о сельском хозяйстве, для легистов единственным источником богатства был крестьянский труд. Кенэ отмечал, что сельское хозяйство всегда почитали в Китае, а крестьяне пользовались особым вниманием императоров [Quesnay, 1888, р. 601]. Профессор Доллеан назвал принцип физиократов «агроцентризмом». По мнению

Ли Чжаои, как эхо китайской мысли он присутствует в третьей максиме Кенэ – *«Государь и народ никогда не должны упускать из виду, что земля есть единственный источник богатства и что одно только земледелие умножает последние»* [Физиократы, 2008, с. 408].

Ли Чжаои сделал вывод: «Не будет преувеличением сказать, что здесь есть китайское влияние» [Ly, 1936, p. 90]. В основе организации сельского хозяйства в Китае лежала собственность на землю, а занятые в нем имели полную свободу деятельности. Схожие принципы собственности и свободы можно найти у Кенэ. Четвертая максима рекомендует обеспечить гарантии собственности на богатства их законным владельцам, а тринадцатая – предоставить каждому свободу возделывать на своем поле то, что он считает нужным [Физиократы, 2008, с. 408–409].

Кенэ отмечал, что, согласно китайским обычаям, в сельском хозяйстве собственник получал половину дохода и должен был платить налоги. Другая часть оставалась у работников как возмещение затрат и произведенных работ. Сославшись на работу Дашиньской-Голинской [Daszyńska-Golińska, 1922, p. 10–11], Ли Чжаои заключил, что китайская система напоминает схему распределения доходов в «Экономической таблице» Кенэ [Ly, 1936, p. 91].

НАСЛЕДИЕ ЛИ ЧЖАОИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

После возвращения на родину Ли Чжаои преподавал на экономическом факультете Университета Сунь Ятсена. Ученый оставил исследования межкультурных взаимодействий и занялся пропагандой идеи кооперации, опираясь на изученные во Франции работы Ш. Жида. После победы революции 1949 г. Ли Чжаои покинул материковый Китай, в 1966–1971 гг. он был деканом факультета западных языков Тамканского университета на Тайване.

О диссертации Ли Чжаои в Китае узнали в первое десятилетие реформ благодаря возобновлению научных обменов с внешним миром. В 1988 г. известный экономист У Баосань сообщил, что во время зарубежной поездки увидел защищенную в Дижоне в 1936 г. докторскую диссертацию обучавшегося во Франции китайца о влиянии древнекитайской экономической мысли на формирование учения физиократов [Тань Минь, 2015, с. 210].

У Баосань отметил, что связь доктрины французских физиократов с древнекитайской экономической мыслью была в 1930-е гг. проанализирована в диссертации Ли Чжаои, статье американского ученого Л.А. Мэверика [Maverick, 1938] и главе о воздействии древнекитайской экономической мысли на страны Запада в книге Тан Цинцзэна [Тан Цинцзэн, 2010, с. 435–441]. По мнению У Баосаня, представления на Западе о традиционных китайских экономических идеях были недостаточными, поскольку ученые не могли ознакомиться с ними на языке оригинала, а на западных языках этой теме были посвящены всего две работы. Это защищенная в США диссертация Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» [Chen Huan-chang, 1911] и работа Ли Чжаои, которая «была написана на французском языке, очень краткая, и знающих о ней было мало» [У Баосань, 2003, с. 98].

В начале 1990-х гг. на диссертацию Ли Чжаои сослался Тань Минь в монографии «Китайские источники учения французских физиократов». Он признал, что обратился за копией работы к директору библиотеки Дижонского университета после того, как узнал о ее существовании от У Баосаня. Тань Минь заявил, что первая часть диссертации Ли Чжаои «занимает более половины из 90 страниц текста, ее содержание в основном известно ученым, изучающим китайскую экономическую мысль, ...оно представляется довольно бедным и не имеет какого-либо большого значения». Диссертация «добавила некоторый

материал к теме влияния китайской экономической мысли на физиократов, но не предоставила никаких новых точек зрения» [Тань Минь, 1992, с. 31–32]. Тем не менее, Ли Чжаои сказал о важности китайского влияния не только как истока физиократии, но и как фактора истории экономической науки в целом.

В монографии о китайских экономических диссертациях первой половины XX в. Цзоу Цзиньвэнь указал, что работа Ли Чжаои «впервые с точки зрения движения китайского знания на Запад исследовала влияние китайской экономической мысли на учение физиократов» [Цзоу Цзиньвэнь, 2016, с. 587]. При оценке ее содержания он солидаризовался с критическим суждением Тань Миня о том, что в первой части диссертации ничего особенно ценного нет.

Современные китайские исследователи ставят на первое место тему влияния Китая на Европу, отводя второстепенную роль трактовке в диссертации Ли Чжаои древнекитайских экономических идей. Однако противопоставление первой и второй части работы не позволяет раскрыть целостность замысла Ли Чжаои. Его интерпретация «общеизвестных» идей китайской древности была новаторской, поскольку была нацелена на выявление присутствия в китайских учениях концепции «естественного закона», которую могли использовать физиократы.

Ма Ли полагает, что оценка воздействия Китая на физиократов в работе Ли Чжаои была завышенной. Выявление общности древнекитайских экономических идей и учения физиократов (естественные законы, деспотизм и агроцентризм) не подтверждало знакомства французских авторов того времени с китайской классикой. На этой основе невозможно определить, является сходство идей случайным совпадением или следствием прочтения физиократами сочинений китайских мыслителей [Ma Li, 2020].

Диссертация Ли Чжаои упомянута в многотомном пособии по изучению «идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи», подготовленном Китайской академией общественных наук [Си Цзиньпин, 2019]. Поиски подтверждений мирового влияния китайской традиции возродили интерес к источникам идей физиократов. «Многие китайские историки экономической мысли указывали, что экономическая мысль древнего Китая в разных странах Запада действительно оказала довольно сильное влияние. Оно было более важным, чем влияние учений Рима, идей христианства, Библии. Особенно очевидно это на примере французских физиократов. Последние признаны важным источником экономической науки в современном смысле, символом которой является Адам Смит» [Си Цзиньпин, 2019]. Содержащийся в этих рассуждениях пересказ выводов книги Тан Цинцзэна «История китайской экономической мысли» (1936) является неполным. Ученый отмечал, что влияние древнекитайской экономической мысли на Запад было глубоким, но не всеобщим, оно «ограничивалось одним периодом и одной школой» [Тан Цинцзэн, 2010, с. 440].

Пособие по изучению идей Си Цзиньпина сообщает, что «в первой половине XX в. были некоторые китайские труды со строгим экономическим анализом, например, “Основные течения китайской экономической мысли в древности (с VI в. до н.э. по III в. до н.э.) и их влияние на формирование доктрины физиократов” Ли Чжаои, а также “Экономические принципы Конфуция и его школы” Чэнь Хуаньчжана и др., это еще более четко продемонстрировало научную ценность и практический смысл древнекитайских экономических идей» [Си Цзиньпин, 2019].

Обе работы были написаны на иностранных языках и защищены в зарубежных университетах. Труд Чэнь Хуаньчжана перевели на китайский язык со столетним опозданием. Содержание диссертации Ли Чжаои поныне доступно китайской аудитории лишь во фрагментарном пересказе. Причисление этих работ к примерам «строгого экономического

анализа» можно объяснить лишь их упоминанием в «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, отметившего, что от Древнего Китая «до нас не дошло никаких рассуждений по строго экономическим вопросам, которые можно было бы назвать “научными” в рамках нашего понимания этого термина» [Шумпетер, 2001, с. 64]. Именно после данного критического суждения присутствует ссылка на труды американского исследователя Э.Д. Томаса, Ли Чжаои и Чэнь Хуаньчжана. Косвенным аргументом в пользу наличия в них экономического анализа могут служить разве что предшествующие перечислению этих работ слова Шумпетера «См., однако» («See, however»), допускающие присутствие в китайской традиции или ее современном истолковании научной аргументации [Шумпетер, 2001, с. 64].

Знакомство с книгой Шумпетера состоялось в КНР в годы реформ до того, как стали известны имена Чэнь Хуаньчжана и Ли Чжаои. При подготовке её первого китайского издания 1991 г. переводчики не имели представления о том, кто это такие. Для Чэнь Хуаньчжана (陈焕章; Huan Chang Chen) они выбрали фонетическую запись 黄昌辰. Для Ли Чжаои, обозначенного у Шумпетера как S.Y. Lu, им пришлось ограничиться подбором фамильного иероглифа и записать его как S.Y. 李 [Тань Минь, 2015, с. 224]. Поскольку название диссертации Ли Чжаои в сноске было сокращено наполовину «*Les grands courants de la pensée économique chinoise dans l'antiquité...*», его перевели как «Очерк экономической мысли древнего Китая» («古代中国经济思想大纲») [Шумпетер, 1991, с. 86].

Тань Минь вспоминал, что при первом знакомстве с диссертацией он также не смог определить, кто скрывается за именем Lu Siou Y. Это стало возможным лишь после обнаружения в каталоге старых публикаций статьи «Исследование влияния политических и экономических идей древнего Китая на физиократов» с иероглифическим написанием имени автора в журнале «Шэхуэй яньцзю» Университета Сунь Ятсена за 1938 г. [Ли Чжаои, 1938]. Оказалось, что содержание статьи на французском языке идентично второй главе диссертации [Тань Минь, 2015, с. 211]. С того времени имя Ли Чжаои стало в Китае узнаваемым, а его идеи привлекли научный интерес.

В первой половине XX в. китайские ученые, получившие подготовку в зарубежных университетах, овладевшие современной исследовательской методологией и ознакомившиеся с иностранной научной литературой внесли существенный вклад в осмысление истории интеллектуального взаимодействия между Китаем и Западом. Наиболее заметное воздействие на развитие общественных наук в Китае в республиканский период оказали опиравшиеся на англо-американскую академическую традицию выпускники университетов США. Достижения обладателей европейских ученых степеней, среди которых был Ли Чжаои, долгое время оставались малоизвестными.

Диссертацию Ли Чжаои следует оценивать в сопоставлении с другими работами, опубликованными китайскими докторантами на иностранных языках в первой половине XX в. Ссылок на труды англо-американского либерального экономического мейнстрима в работе Ли Чжаои очень мало. Его новаторство в трактовке китайской древности состояло в опоре на европейскую академическую традицию, проведении сопоставлений с идеями Руссо, Кропоткина, Штирнера. В работах китайских исследователей республиканского периода с американскими дипломами ничего подобного не было.

В современном Китае интерес к наследию Ли Чжаои связан как с актуальностью его исследования влияния древнекитайской мысли на французских физиократов, так и с упоминанием его имени в книге Шумпетера. Общим знаменателем является проблема проникновения китайских идей во внешний мир и их признания мировым научным сообще-

ством. Провозглашение китайским руководством в 2016 г. политики развития «философии и общественных наук с китайской спецификой» и требование продвижения их достижений за рубеж обеспечит сохранение интереса к этим вопросам в обозримом будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Жид Ш., Рист Ш. *История экономических учений*. М.: Экономика, 1995 [Gide Ch., Rist Ch. *Histoire des doctrines économiques*. Moscow: Ekonomika, 1995 (Russian translation)].

Кропоткин П. *Современная наука и анархия*. Петербург; Москва: Голос труда, 1920 [Kropotkin P. *La Science Moderne et l'Anarchie*. Petersburg; Moscow: Golos Truda, 1920 (in Russian)].

Онкен А. *История политической экономии до Адама Смита*. М.: Тип. М.А. Александрова, 1908 [Oncken A. *Geschichte der Nationalökonomie: Die Zeit vor Adam Smith*. Moscow: Tipografia M.A. Aleksandrova, 1908 (in Russian)].

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. *Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения*. Т. 2. М.: Педагогика, 1981. С. 20–42 [Rousseau J.J. *Discours sur les sciences et les arts*. Rousseau J.J. *Pedagogical Works*. Vol. 2. Moscow: Pedagogika, 1981. Pp. 20–42 (in Russian)].

Стабурова Е.Ю. *Анархизм в Китае. 1900–1921*. М.: Наука, 1983 [Staburova E.Yu. *Anarchism in China. 1900–1921*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Физиократы. Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.-С. Дюпон де Немур. *Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо, 2008 [Physiocrats. Quesnay F., Turgot A.R.J., du Pont de Nemours P.S. *Selected Economic Works*. Moscow: Eksmo, 2008 (Russian translation)].

Шумпетер Й.А. *История экономического анализа*. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001 [Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola (in Russian)].

Ли Чжаои (Li Saou Y 李肇义). Чжуннун сюэпай шоу Чжунго гудай чжэнчжи цзинцзи сысян инсян чжи каочжэн (Исследование влияния политических и экономических идей древнего Китая на физиократов; 重农学派受中国古代政治经济思想影响之考证). *Шэхуэй яньцзю (Социальные исследования; 社会研究)*. 1938. Т. 1. № 3. С. 1–30 [Li Zhaoyi. L'influence de la pensée économique-politique de la Chine ancienne sur la doctrine physiocratique. *Social Research*. 1938. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–30].

Си Цзиньпин синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэйчжэу сысян сюэси цуншу (Библиотека изучения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи; 习近平新时代中国特色社会主义思想学习丛书). Ред. Се Фучжань (谢伏瞻). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2019 [The Study Book Series of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Ed. Xie Fuzhan. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2019 (in Chinese)] <https://www.bookuu.com/ebook.php?act=detail&id=77753&sn=59> (accessed: 10.01.2021).

Тан Цинцзэн (唐庆增). Чжунго цзинцзи сысянши (История китайской экономической мысли; 中国经济思想史). Пекин: Шаньу иньшугуань, 2010 [Tang Qingzeng. *The History of Chinese Economic Thought*. Peking: Shangwu yinshuguan, 2010 (in Chinese)].

Тань Минь (谈敏). Фаго чжуннун сюэпай сюэшо дэ Чжунго юаньюань. (Китайские источники учения французских физиократов; 法国重农学派学说的中国渊源). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1992 [Tan Min. *The Chinese Origin of Physiocratic Economics*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 1992 (in Chinese)].

Тань Минь (谈敏). Цюйцзин цзи (Сборник извилистого пути; 曲径集). Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2015 [Tan Min. *Collection of Winding Path*. Shanghai: Shanghai caijing daxue chubanshe, 2015 (in Chinese)].

У Баосань (巫宝三). У Баосань цзи (Сочинения У Баосаня; 巫宝三集). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003 [Wu Baosan. *Collected Works of Wu Baosan*. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003 (in Chinese)].

Цзоу Цзиньвэнь (邹进文). Цзиньдай Чжунго цзинцзисюэ дэ фачжань – и люсюэшэн боши луньвэнь вэй чжунсинь дэ каоча (Развитие современной китайской экономической науки: исследование докторских диссертаций китайских студентов, обучавшихся за границей; 近代中国经济学的发展 – 以留学生博士论文为中心的考察). Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2016 [Zou Jinwen. *The Development of Modern Chinese Economics: Doctoral Dissertations by Overseas Chinese Students*. Peking: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2016 (in Chinese)].

Шумпетер Й. [约瑟夫·熊彼特]. Цзинцзи фэнси ши. Ди и цзюань (История экономического анализа. Т. 1; 经济分析史, 第1卷). Пекин: Шаньу иньшугуань, 1991 [Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Vol. 1. Peking: Shangwu yinshuguan, 1991 (in Chinese)].

Chen Huan-chang. *The Economic Principles of Confucius and His School*. 2 vols. New York: Columbia University, Longmans, Green & co., 1911.

Daszyńska-Golińska S. *La Chine et le Système physiocratique en France*. Varsaviae: Cura et sumptibus Universitatis Liberae Polonae, 1922.

Gonnard R. *Histoire des Doctrines Économiques*. [Vol. II]. *De Quesnay à Stuart Mill*. Paris: Nouvelle librairie nationale, 1922.

Ly Siou Y. *Les Grands Courants de la Pensée économique chinoise dans l'Antiquité (du VIe au IIIe siècle avant J.-C.) et leur Influence sur la Doctrine physiocratique*. Paris: Jouve & Cie, 1936.

Ma Li. *L'art de gouverner chinois dans les périodiques de langue française de 1750 à 1789*. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2020. <https://books.openedition.org/pulm/4376> (accessed: 10.01.2021).

Maverick L.A. Chinese Influence upon the Physiocrats. *Economic History*. Vol. 3. No. 13. 1938. Pp. 54–67.

Quesnay F. Despotisme de la Chine. *Œuvres Économiques Et Philosophiques de F. Quesnay, Fondateur Du Systeme Physiocratique*. Francfort: J. Baer and Paris: J. Peelman et Cie, 1888. Pp. 564–659.

Struve P. L'idée de loi naturelle dans la science économique. *Revue d'économie politique*. 1921. Vol. 35. No. 3. Pp. 294–317; No. 4. Pp. 463–482.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОРОХ Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия.

Olga N. BOROKH, PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.